

Доктор Роджер Грин, Американское христианство, Сессия 2–3, Неоортодоксальность и социальный кризис, Часть 3

© 2024 Роджер Грин и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роджер Грин в своем учении об американском христианстве. Это сессия 23, Неоортодоксия и социальный кризис, часть 3.

Итак, мы на D, лекция номер 16, Неоортодоксия и социальный кризис, и мы на D, Христос и культура.

Ладно, просто напомню, где мы сейчас. Нео-ортодоксия, это европейское движение, которое пришло в Америку, поддерживаемое такими людьми, как братья Нибур, но нео-ортодоксия была движением, которое смотрело на широкую середину американской жизни и чувствовало, что ей никто не бросает вызов. Оно видело слева своего рода классический протестантский либерализм, который как бы обанкротился.

Вы помните цитату, которую мы привели из книги Х. Ричарда Нибура «Царство Божие в Америке», но справа был своего рода американский фундаментализм, который воспринимался, посмотрим, было ли это восприятие правильным или нет, но тем не менее, воспринимался как своего рода антиинтеллектуальное, своего рода эмоциональное движение, и люди в середине, широкая середина протестантов, не имели ничего, за что можно было бы ухватиться, и неоортодоксия им нравится, потому что это очень сильное, библейски основанное движение, рассматривающее Библию в основном глазами Реформации, глазами Кальвина в первую очередь, но также это было очень интеллектуальное движение. Это было движение, которое действительно могло бороться с философией, искусством, культурой, современным миром и всеми проблемами, которые принесла современность, политикой, социальным строительством и так далее, так что это было очень, очень, очень интеллектуальное, но мощное интеллектуальное движение, и поэтому оно выходит на сцену и играет важную роль в американском христианстве, особенно через Нибура, как мы уже упоминали. Хорошо, одна из самых важных книг — «Христос и культура».

Некоторые из вас читали хотя бы отрывки из «Христа и культуры» в другом курсе, или пара читала отрывки из «Христа и культуры» в другом курсе. На днях мы давали введение, просто напоминание о книге и контексте книги и так

далее, и когда Х. Ричард Нибур говорит о Христе, воплощенном Христе. Он говорит о Боге во плоти, но он говорит о Боге во плоти как о Господе, который принес реальность царства в этот мир и является Владыкой истории, так что есть много измерений этого Бога во плоти.

Вы можете очень глубоко изучить библейское повествование, чтобы узнать все о Христе, что он имеет в виду, и затем под культурой, то, что он имеет в виду под культурой, это то, что мы помещаем в естественный мир, чтобы сформировать социальную реальность, и это может быть политика, это может быть искусство, это может быть наука, это может быть архитектура, помогает формировать и формировать культуру, так что множество вещей, вы знаете, могут формировать культуру, без сомнения. Этика помогает формировать культуру. Одна вещь, которую мы упомянули, я думаю, прямо в заключении на днях, была языком.

Язык — это культура, как любил повторять один из моих профессоров много раз, но если вы понимаете язык народа, вы можете понять его культуру, потому что язык помогает формировать эту культурную реальность, поэтому язык — действительно важный формирователь культуры. Итак, в «Христе и культуре» мы упоминали, что он дает пять моделей. Мы возьмем три из них, одну с одной стороны, одну с другой стороны и три посередине, но я перешел к тому, чтобы взять эти три и объединить их в одну, так что, я думаю, на этом мы остановились.

Давайте продолжим. Номер два в вашем плане — это противостояние Христа и культуры, противостояние Христа и культуры. Хорошо, теперь, кто занимает эту позицию противостояния Христа и культуры? Ну, люди, которые хотят подтвердить исключительный авторитет Христа в своей индивидуальной жизни, в своей корпоративной жизни и в своей общественной жизни.

Они хотят утверждать, что Христос имеет единственный и неповторимый авторитет. Нет другого авторитета, перед которым нам нужно было бы преклонять колени и т. д. Поэтому культура не имеет никаких претензий на нашу лояльность.

Люди, которые придерживаются этой позиции, противопоставляя Христа и культуру, говорят, что культура не имеет права на нашу преданность. Только Христос имеет право на нашу преданность, и поэтому христианство, которое формирует этот Христос, не является культурным христианством, но христианство, которое формирует этот Христос, является новым порядком. Это новое царство.

Это новый мир, и наша единственная преданность — этому новому порядку, этому новому царству и этому новому миру. У нас нет преданности культуре, в

которой мы оказались. Теперь люди, которые верят в противостояние Христа и культуры, открывают Библию, и когда они открывают Библию, то находят в Библии радикальный призыв прийти и отделиться от мира.

Они читают Библию, от Бытия до Откровения, и особенно читают слова Иисуса, и они чувствуют, что это радикальный призыв покинуть мир, покинуть падший мир и следовать за ним, и следовать только за ним. Так что слово радикальный здесь довольно важно, оно доходит до сути вещей. Этот призыв Христа не быть частью мира, да благословит вас Бог, и не быть частью нового царства — это действительно радикальный призыв, и любой истинный ученик последует этому призыву.

Любой истинный ученик прислушается к этому призыву. Так что теперь, иногда противостояние между Христом и культурой, иногда, но не всегда, но иногда в это примешивается очень динамичный вид эсхатологии, и иногда в этой смеси есть вера в то, что мы живем в последние времена, что конец света как бы наступает, и в те последние времена, в которые мы живем, тогда все культурные реалии будут уничтожены в любом случае, и единственное, что останется, это новое небо и новая земля. Так что иногда, есть очень сильное эсхатологическое напряжение в противостоянии между Христом и людьми культуры.

Итак, неудивительно, что наша окончательная преданность не обусловлена культурой, а тем, что культура проходит. Любая культура проходит, и любая культура в конечном итоге предстанет перед судом Божиим в этом эсхатологическом измерении. Теперь, не все оппозиционеры так эсхатологически настроены, но некоторые из них, которые чувствуют, что представляют то, что было истинно в Новом Завете, что верующие Нового Завета действительно верили в неизбежное второе пришествие Иисуса и вели свою жизнь таким радикальным образом.

Ну, если мы живем в такой эсхатологической реальности, мы также должны вести свою жизнь так, как вела свою жизнь примитивная церковь, не имея никакой приверженности какой-либо культуре, а только приверженность Христу и его царству. Теперь, для некоторых, не для всех, но для некоторых из этих людей, институты, которые устанавливают люди, являются злыми и действительно своего рода извращенными. Поэтому есть некоторые вещи, которых следует избегать, некоторые вещи в более широкой культуре, с которыми вы стараетесь не иметь ничего общего.

Итак, позвольте мне упомянуть несколько из них, эта реальность, например, политическая жизнь, политическая и социальная жизнь культуры должна быть остерегаться. Вы не имеете никакого отношения к этой политической или социальной жизни. Так что политика не имеет значения.

Политика как бы отсутствует. Так что это один из примеров. Военная жизнь избегается.

Многие, иногда, люди, которые находятся в оппозиции между Христом и культурой, являются пацифистами, и они не будут участвовать ни в какой армии. Это военное учреждение - падшее и злое учреждение, созданное злой культурой. Поэтому они не будут иметь с этим ничего общего; они будут как бы избегать этой военной жизни.

Все, что связано с философией, рассматривается как некая человеческая конструкция мышления, с которой покончено. Я имею в виду, что ее избегают. Ваша главная преданность — Библии и учению Иисуса, а не Аристотелю или Аквинскому или чему-то подобному.

Часто все, что связано с искусством, избегается, потому что художественный мир является выражением чего? Это выражение падшей культуры. И поэтому, вы не имеете ничего общего с художественным миром. И это как-то не в тему.

Итак, есть противостояние между Христом и культурой. Теперь Нибур приводит несколько примеров людей, которые придерживаются этого. Я приведу пару примеров.

Один, который он приводит, и один, который он упоминает, но это действительно важный пример для нас и для нашего курса. Так что я приведу и его. Хорошо.

Один из примеров, о котором он, очевидно, много говорит, это монашество. Монашество — это движение, которое, в определенные исторические времена, было оппозицией движению Христа и культуры. Монашество началось с отдельных монахов, а затем перешло в общинное движение во втором и третьем веках.

Но он сошел с рук, насколько это было возможно, с культурой, и полная преданность была только Христу. Первые монахи, конечно, жили одни в пещере, и они сидели в пещере и размышляли всю свою жизнь. Они вообще не имели никакого отношения к культуре.

Их едва поддерживали в живых их ученики, которые хранили еду. Время от времени вы получаете Симеона Столпника. Вы говорили о Симеоне Столпнике в своем курсе? Симеон Столпник был одним из ранних египетских монахов.

Я думаю, он был в Египте или Сирии. Там был столб, и он поднялся на вершину. Оставшуюся часть своей жизни он прожил на вершине этого столба в маленьком местечке, где он жил. Все питание и все остальное делали ученики.

Но он был созерцательным монахом, и он был совершенно далек от культуры. Многие отдельные монахи, а затем и многие ранние общины были против Христа и культуры. Давным-давно в курсе я упоминал о своем визите в монастырь траппистов.

Помните, мы говорили о Бардстауне, Кентукки, и о том, как это было важно для римского католицизма. Этот визит в монастырь траппистов был, в некотором смысле, противостоянием между Христом и культурным опытом, потому что монахи-трапписты поклялись жить в бедности, и настоятель монастыря дал некоторым из них разрешение поговорить с нами, чтобы некоторые из них могли общаться с нами. Но они поклялись жить в бедности, и каждый жил всего в одной келье с одной кроватью, одним стулом и одной маленькой полкой, на которой хранились все их мирские пожитки.

Все, чем они владели, было там, а затем они надели свои плащи, а затем другой стирали. Так что это все, что у них было, поклявшись в бедности. Поклявшись в целомудрии, это был созерцательный орден.

Итак, как только они дали свои последние обеты, они больше никогда в жизни не видели женщину. Так что это означало мать и сестру. Бедность, целомудрие, послушание, они поклялись в послушании настоятелю монастыря, абсолютном послушании, и они являются молчаливым орденом.

Итак, они — созерцательный орден. Поэтому, как только они принимают свои последние обеты, они дают обет молчания на всю свою жизнь. Теперь, технически, можно сказать, что у траппистов молчание не требовалось, но оно было важно для ордена.

Так что, можно ли назвать это четвертым обетом или нет, я не уверен. Но они жили молчаливой жизнью, и у них было семь бдений в день, во время которых они пели великие григорианские песнопения, чтобы не потерять голосовые связки. Но они жили. Кроме этого, их жизнь была молчаливой.

И в тишине они размышляли о Боге весь день, пока они занимались своими делами и так далее. Мы думали, кстати, мы думали в том опыте, когда мы шли, мы ничего об этом не знали, но мы думали, что найдем несколько, и это очень, то, что они построили, было очень готическим средневековым монастырем. Я имею в виду, это выглядело так, будто вы переноситесь обратно во Францию или Германию в средневековый мир.

Мы думали, что увидим довольно много дряхлых стариков, но их не было; были некоторые, но многие из них были молодыми людьми, которые дали последние обеты. Так что многие из них были мужчинами, всего 21, 22 и 23 лет. Они уже дали свои последние обеты.

У них трехлетнее послушничество, и они были там всю свою жизнь. Они были в этом порядке всю оставшуюся жизнь. Их хоронят прямо там, на земле.

Итак, он видел монашеский орден как пример противостояния Христа и культуры. Так что это один пример. Теперь другой пример, который я собираюсь использовать, который он не упоминал, он мог бы упомянуть его, но я собираюсь использовать американский фундаментализм.

Вот с этим мы столкнемся в нашей следующей лекции. Но американский фундаментализм, вы можете встретить его среди некоторых американских фундаменталистов, как мы увидим, когда будем изучать историю фундаментализма, вы можете получить оппозицию между Христом и культурным менталитетом, где культура полностью падшая, и поэтому вы не должны иметь с этим ничего общего или, по крайней мере, иметь с этим как можно меньше общего. Это просто ваша церковная жизнь.

Вы сформированы в сообществе церковной жизни. И поэтому американское фундаменталистское движение, часть его может быть движением в оппозиции между Христом и культурой. Если бы вы были воспитаны в американском фундаментализме любого рода, вы бы знали, что было довольно много правил и предписаний, много того, что можно и что нельзя делать в плане вашего воспитания, потому что они пытались удержать вас подальше от этой падшей культуры, что вы не хотите быть преданными этой культуре.

Итак, ладно. Итак, это два примера. Теперь, что он делает, я имею в виду, это два примера противостояния Христа и культуры.

Хорошо. Что он делает сейчас с каждым из них, он видит это как необходимую позицию, но неадекватную позицию. Так вот что он делает с оппозицией между Христом и культурой.

Итак, есть две стороны медали. Нибур говорит, что это необходимая позиция. Теперь, почему это необходимая позиция? Это необходимая позиция, потому что она напоминает христианам о высшей верности.

Какова ваша абсолютная преданность в жизни? Какова ваша абсолютная преданность в жизни? Она не относится ни к какой культуре. Она относится к Христу и только к Христу. Она относится к Иисусу как Господу и к его царству.

Это ваша абсолютная полная лояльность. Он говорит, что это необходимая позиция, потому что она напоминает нам об абсолютной лояльности. Также он говорит, что это необходимая позиция, потому что он напоминает нам, что культура часто идет на компромиссы, противоречащие учению Иисуса.

И некоторые из компромиссов, на которые он идет, могут быть довольно тошнотворными компромиссами, которые так противоречат ценностям и жизни в царстве. И иногда мир, в котором мы живем, является своего рода тошнотворным миром в том смысле, что существует чрезмерная любовь к жизни или даже чрезмерный страх смерти. Но он может идти на компромиссы, которые обесценили бы христиан, если бы они пошли на эти компромиссы.

Итак, он называет это необходимой позицией. Но затем он говорит, что это адекватная, это неадекватная позиция. Это необходимо.

Нам это нужно. Мы рады, что есть такие люди, но это неадекватная позиция. Ладно.

Теперь, почему это неадекватная позиция? Мы не можем, мы не можем просто согласиться с этой позицией. Она неадекватна, потому что люди — культурные существа. Мы культурны тем, что живем в сообществах, и мы — создания этой культуры.

И то, чего мы не понимаем, возможно, то, чего мы не понимаем, это то, что Иисус — Господь над всем, над всем миром, включая все культуры. Так вот, происходит то, что люди, которые придерживаются противоположного взгляда на Христа и культуру, не понимают, что они создают свою собственную культуру. Так вот, они создают культуру.

Так что, вы не можете. Мы являемся культурными существами по самому факту, по самому факту, что мы находимся в сообществах. И поэтому мы создаем свои собственные культуры. И вопрос в том, есть ли у нас лояльность к этим культурам или нет? И мы тратим много времени, пытаюсь сохранить культуры, которые мы создаем.

Итак, каждый человек является культурным существом. Теперь давайте на мгновение рассмотрим монашество. Монашество, которое мы видели в ранней церкви, во втором и третьем веках, развивалось так, что к тому времени, когда вы доберетесь до средневекового мира, какова связь монашества с более широкой культурой в средневековом мире? Что это за связь? Оно контролирует эту более широкую культуру.

Монашество было местом искусства. Монашество было местом архитектуры. Монашество было местом языка.

Монашество было местом обучения. Монашество в значительной степени контролировало западную культуру в средневековом мире. Таким образом, та самая культура, которую оно, возможно, презирало на раннем этапе, обнаружила, что оно стало контролирующим фактором этой культуры.

И, конечно, тогда у вас были бы реакции против этого, как у францисканцев, которые говорили: нет, мы зашли слишком далеко. Давайте будем отталкиваться и так далее. Так что фундаментализм, безусловно, также создает свою собственную культуру.

Итак, я разговаривал с раввином, который был здесь; это было в прошлом семестре, и я думаю, что он был в прошлом семестре. У меня была возможность поужинать с ним, с Марвом и другими. Но мы говорили о евреях-хасидах и их культуре.

И он еврей, как американский еврей, вероятно, в реформированной традиции. Он смотрит на хасидов, очень фундаменталистских, очень осторожных в одежде и общинной жизни и во всем остальном. И как еврей, он смотрит на хасидов как на довольно странных, ультраортодоксальных евреев, довольно странную группу для него как американского еврея, как американского реформистского еврея.

Но он сказал мне, он сказал, однако, я должен признать, что если иудаизм будет жив через пять или 600 лет, то это будет благодаря этим людям. Эти люди сохранили иудаизм и суть иудаизма живыми. Американские евреи, реформированные евреи и так далее, они стали очень американизированными, очень большой частью культуры и так далее.

Итак, это необходимо, но это недостаточно, в этом нет сомнений. Хорошо, это два противопоставления Христа и культуры. Номер три — противоположность.

Это синтез Христа и культуры, номер три. Это на странице 16 вашего плана. Синтез Христа и культуры.

Хорошо, так вот в этом синтезе Христа и культуры нет никакого напряжения между Христом и миром. Нет абсолютно никакого напряжения между Христом и миром. Эти люди одинаково дома и во Христе, и в культуре.

Они вообще не видят в этом никакого напряжения. Итак, евангельские и социальные законы, евангельские и социальные законы прекрасно гармонируют друг с другом. Божественная благодать и человеческие усилия прекрасно гармонируют друг с другом.

Есть гармония между Божьей благодатью и нашими человеческими усилиями. Этика спасения и этика прогресса. Этика спасения и этика прогресса прекрасно гармонируют друг с другом.

Между этими вещами нет никакого напряжения. Они вообще не видят между ними никакой пропасти. Теперь, что они склонны делать, и мы уже видели это в либеральном протестантизме, что они склонны делать, так это видеть Иисуса и его учение в качестве руководства для этой точки зрения.

Иисус и его учения являются руководством к этому либеральному взгляду, что он хороший учитель морали, он хороший этический человек, и он моральный человек, с которого нужно брать пример. Так что Иисус — идеальный человек, который чувствует себя как дома в культуре, как дома в мире, но как дома с Богом. И он — идеальная модель для такого бытия дома.

Ладно, цель, насколько они понимают, цель культуры — это шалом. Это мирное, кооперативное человеческое существование. Это цель культуры.

Насколько они понимают, все культуры должны двигаться к этой цели. Вот это культура. Однако, с таким взглядом на культуру, эта культура может быть социально сконструирована. Мы можем сконструировать эту культуру, и мы, люди, можем сконструировать эту культуру шалома.

Мы можем это сделать. У нас есть средства, чтобы это сделать; у нас есть свобода, чтобы это сделать, и у нас есть этические требования, чтобы это сделать. Поэтому нам не нужно говорить о Царстве Божьем.

Нам не нужен язык Царства Божьего, чтобы помочь нам построить культуру, которая угодна Богу. Мы способны это сделать. В этом нет никаких сомнений.

Поэтому, поскольку у нас есть возможность сделать это, все культуры и религии приглашаются присоединиться к этому разговору. Это многослойная, вторая группа, синтез Христа и культуры. Это многокультурное усилие, и это многорелигиозное усилие.

Итак, нет никакого суждения, основанного на какой-либо культуре. Нет никакого суждения ни о какой религии, и есть прекрасный синтез, есть прекрасная гармония здесь двух. Так что, то есть, мы называем это синтезом Христа и культуры.

Хорошо, теперь есть два примера этого, и мы видели оба примера в нашем курсе. Но два примера этого, первый будет деизмом и использует пример деизма. Итак, во-первых, мы теперь достаточно знаем о деизме.

Итак, первым будет деизм 18-го века, Томас Джефферсон. Идеалы, о которых мы только что говорили, были, безусловно, идеалами Томаса Джефферсона. А вторым будет то, что мы называем классическим либеральным протестантизмом, протестантизмом 19-го века, 20-го века в 21-й век, классическим либеральным протестантизмом.

Как я уже упоминал ранее в курсе, я водил студентов, когда мы были в Нью-Йорке, я водил студентов в Мемориальную церковь Джадсона. И Хантер, пригнись, когда будешь проходить мимо этой камеры, ладно? Так что это здорово, хорошо, хорошо, хорошо. Мы водили людей в Мемориальную церковь Джадсона, которая была очень интересным примером того, о чем мы говорим.

И мы упомянули одно воскресенье, проповедник проповедовал о религии Уолта Диснея, поэтому гимны того воскресенья были как Микки Маус и Дэви Крокетт, и все песни Уолта Диснея были гимнами дня. Причастие было Соса-Cola и картофельные чипсы. И однажды, в другое воскресенье, он проповедовал о здоровье.

Итак, призыв к поклонению, вы не знали, каким будет призыв к поклонению. Вы как бы сидели и думали, как это называется. Призыв к поклонению был кувыркающейся командой. Они вынесли свои коврики и положили их в середину церкви, и они кувыркались и все такое.

И это был призыв к поклонению, команда кувыркающихся делала свое дело для поклонения. Так что все культуры и все проявления культуры одинаково значимы, и это очень интересно. Одно я скажу о церкви: никогда не знаешь, что получишь.

И это, мальчик, заставляет тебя идти в эту церковь с большим нетерпением. Ты всегда задаешься вопросом, что произойдет сегодня. Кто знает? Это был очень интересный опыт. Итак, эти два примера.

Хорошо. Что он говорит об этом другом примере? Что он говорит об этом другом примере, так это то, что это необходимая позиция. Он говорит, что это необходимая позиция.

Хорошо. А почему это необходимая позиция? Это необходимая позиция, потому что вы не можете ассоциировать Христа с какой-либо культурой. Вы не можете запереть Христа в какой-либо культуре.

Он — создатель всего человечества, и, следовательно, именно люди создают культуру, поэтому, следовательно, вы не можете ассоциировать его ни с какой культурой. Если бы вы собирались ассоциировать его с какой-либо культурой, вы бы ассоциировали его, конечно, с ближневосточной культурой как Иисуса, не

как Христа, потому что Христос всегда был, Христос всегда будет, но как Иисуса, пришедшего в этот мир в определенной культуре, в этом нет сомнений. Так что это необходимая позиция.

Нибур также говорит, что это необходимая позиция, потому что люди, которые занимают эту позицию, потому что им комфортно в их культуре, они могут говорить с культурными презирающими христианство. Они могут. Это как Шлейермахер. Они могут обратиться к культурным презирающим христианство и показать им, где они ошиблись. Поэтому они призваны служить культурной элите в некотором смысле, потому что они чувствуют себя как дома в культуре.

Они могут служить людям, которые критикуют Христа и христианство в этой культуре, потому что они работают на своем уровне. Поэтому он говорит, что это необходимая позиция. Нам нужны такие люди, как Шлейермахер, которые могут служить культурным элитам в жизни.

Но он также говорит, что это неадекватная позиция. И он говорит, что это неадекватная позиция, потому что это, извините, это неадекватная позиция, потому что она не видит, насколько радикален призыв Евангелия. Призыв Евангелия не допускает двух преданностей: Христа и культуры и синтеза.

Призыв евангелия никогда не допускает этого. Почему? Потому что культуры изначально греховны. И здесь вы можете услышать Нью-Йорк, Барта, Нибура .

Культуры изначально греховны, потому что созданы грешными людьми. Так что все культуры разделяют этот вид греха. И проблема в том, что люди в этой культуре этого не признают.

И они склонны ассоциировать свою культуру с волей Бога. И они не признают греховности того, что создало эту культуру. Так что это необходимая позиция, но это неадекватная позиция, потому что она не признает греха или зла в мире.

И если вы собираетесь сказать, что все культуры одинаково достойны, все культуры, то здесь есть замечательный синтез. Если вы собираетесь это сказать, то какой суд вы собираетесь вынести нацистам? Какой суд вы собираетесь вынести нацистской культуре, которая уничтожила и ужасно убила 11 миллионов человек? Вы собираетесь вынести какой-либо приговор этой культуре? Если все культуры одинаково достойны, если все культуры, если есть синтез Христа со всеми культурами, то вы собираетесь отступить и сказать, что мы вообще не должны выносить приговор ни одной культуре? Так или иначе, это неадекватная позиция, насколько он обеспокоен. Хорошо, номер три, или это номер четыре на самом деле в вашем плане, но номер четыре — это намерение Христа и культуры.

Христос и культурное намерение представляют собой середину, три средние модели, которые у него есть. Я взял эти средние модели и собрал их здесь. Итак, хорошо, теперь это, что касается Нибура, средний путь, но трудный путь.

Средняя модель, сейчас мы просто поговорим об этом, как будто это одна модель, Христос и культурное намерение. Средняя модель — это жесткая модель. Это жесткий путь.

И это трудный путь, потому что вам нужно каким-то образом примирить Христа и культуру. Вам нужно понять противоречия между Христом и культурой, и вам нужно каким-то образом примирить Христа и культуру. Так что теперь эти люди напоминают нам, что Иисус Христос — Господь всего, что означает, что он — Господь всего, что происходит в этой жизни, не в последнюю очередь — культурного самовыражения.

Из-за естественного мира, на основе которого мы формируем культуру, этот естественный мир был создан Христом во время творения. Были созданы Отец, Сын и Святой Дух. И поэтому естественный мир, на основе которого мы формируем культуру, этот естественный мир изначально хорош.

Это не изначально зло. И это было объявлено добром самим Богом. Так что естественный мир.

Теперь, с другой стороны, мы признаем, что когда мы навязываем и формируем культуру, эта культура часто является злом. И мы признаем это. Но несмотря на все это, и здесь вы слышите это также в колледже Гордона, но несмотря на все это, вся правда есть Божья правда.

Итак, несмотря на то, что в создании культуры есть зло, несмотря на это, вся правда есть правда Божья. Другими словами, где бы вы ни нашли правду, она исходит от Бога. Где бы вы ни увидели правду.

Итак, если есть научная истина, откуда она берётся? Она берётся от Бога. Если есть философская истина, то она берётся от Бога. Если есть математическая истина, то это Бог дал нам её.

Религиозная истина исходит от Бога. Итак, вся истина — это истина Божья. Поэтому, если это утверждение верно, то христиане хотят быть послушными в служении культуре, в которой они находят истину.

И как говорит Нибур, послушание не оказывается в абстракции. Послушание оказывается в повседневной жизни, в служении миру, куда Бог нас поместил, и в верном исполнении этого везде, где мы находим истину. И поэтому для него это своего рода триумф благодати над грехом в каком-то смысле.

Что касается его, то он как бы излагает это, поскольку вся правда — это Божья правда, и поскольку вся правда — это Божья правда, где бы вы ни находили истину, она от Бога. Научная истина, математическая истина, философская истина, художественная истина. Если вы можете утверждать, что это правда, то вы видите, что Бог — автор этого.

Затем он говорит, что христианский призыв — это не абстрактный призыв. Мы призваны, христиане, призваны работать в культуре, в которую нас поместил Бог. И он поместил нас в разные культуры.

Но Бог поместил нас работать в культуре, чтобы найти, где в этой культуре есть истина, и принять эту истину. А затем говорить истину Евангелия этой истине тоже. Так что есть работа, которую нужно сделать.

Итак, то, что он говорит, это послушание, не представленное в абстракции. Когда Христос призывает нас к послушанию, это не абстрактный принцип. Это призыв к послушанию в повседневном мире.

Итак, это помогает? Вот к чему он нас призывает. Мы собираемся использовать здесь два примера. Один пример — Сент-Томас.

Итак, святой Фома Аквинский находит большую помощь у святого Фомы. Потому что святой Фома смог объединить теологию и философию. Святой Фома смог увидеть конструкцию реальности, как мы смотрим теологически и философски.

Итак, святой Фома смог сохранить этот вид намерения. И что касается святого Фомы, наша способность рассуждать в этом мире является его продуктом; это дар от Бога. Итак, мы используем этот разум в каждой области культуры, в которой живут и работают христиане.

Это дар Божий. И он сам себя реализует политически, или он сам себя реализует социально. Он сам себя реализует художественно.

Это работает многими, многими способами, когда люди служат своей культуре. Итак, культура — это работа Богом данного разума в Богом данной природе. Итак, для Святого Фомы это было очень, очень важно.

Когда вы смотрите на множество католических университетов в Америке, таких как Бостонский колледж или Нотр-Дам, какова их философия образования? Как они выражают свою философию образования? Ну, они часто выражают ее таким языком. Это язык, который они используют. Бог дал нам причину продумывать каждую область, которую мы преподаем в этом учреждении.

Это католический способ рассуждения, размышление о том, почему Бог поместил нас сюда и как его благодать очевидна во всем, что мы изучаем, и так далее. Итак, второй хороший пример, и я должен признаться, что я забыл, использовал ли он этот пример, но второй хороший пример — это письмо Диогнету. Это второй век.

Если вам нужно, у меня есть правописание. Но письмо Диогнету, во втором веке, действительно прекрасно иллюстрирует напряжение, в котором мы живем. Поэтому я собираюсь потратить всего минуту, чтобы прочитать абзац из письма Диогнету.

Кто-нибудь из вас случайно не читал это письмо для какого-нибудь курса? Это великолепное письмо. Так что, если вы хотите получить такой смысл, я собираюсь потратить минуту, чтобы прочитать здесь всего один абзац. И это иллюстрирует то, о чем мы говорим, золотую середину.

Христиане не отличаются от других людей страной, языком или обычаями. Видите ли, они не живут в своих городах, не говорят на каком-то странном диалекте и не ведут какой-то особенный образ жизни. Это их учение не было придумано выдумкой и домыслами пытливых людей, и они не распространяют просто человеческое учение, как некоторые люди.

Они живут как в греческих, так и в иностранных городах, куда бы ни занесло их везение. Они следуют местным обычаям в одежде, еде и других аспектах жизни. Но в то же время они демонстрируют нам замечательную и, безусловно, необычную форму своего собственного гражданства.

Они живут в своих родных землях, но как пришельцы. Как граждане, они делят все с другими, но как пришельцы, они все терпят. Всякая чужая страна для них как родина, и всякая родная земля — чужая страна.

Они женятся и рожают детей, как и все остальные, но не убивают нежеланных младенцев. Они предлагают общий стол, но не общую постель. Они в настоящее время во плоти, но они не живут по плоти.

Они проводят свои дни на земле, но являются гражданами небес. Они подчиняются установленным законам и выходят за рамки законов в своей собственной жизни. Они любят всех, но все их преследуют.

Они неизвестны и осуждены. Их убивают и они обретают жизнь. Они бедны, но многих обогащают.

Им не хватает всего, но они имеют все в изобилии. Они бесчестятся, но обретают славу через бесчестие. Их имена очернены, но они очищены.

Их высмеивают и благословляют в ответ. С ними обращаются возмутительно, но они ведут себя уважительно по отношению к другим. Когда они делают добро, их наказывают как злодеев.

Когда их наказывают, они радуются, как будто им даровали новую жизнь. На них нападают иудеи, как на чужеземцев, и их преследуют греки, однако те, кто ненавидят их, не могут объяснить свою враждебность. Проще говоря, душа относится к телу, как христиане к миру.

Душа распространена по всем частям тела, и христиане распространяют ее по всем городам мира. Душа находится в теле, но она не от тела. Христиане находятся в мире, но не от мира.

Итак, письмо Диогнету. Погуглите как-нибудь. Прочитайте все письмо.

Не сейчас, благослови ваши сердца, но погуглите как-нибудь и прочитайте все письмо Диогнету. Это прекрасная иллюстрация такого рода компромисса. Хорошо.

Итак, что делает Нибур с этой средней позицией? Нибур помещает свою преданность прямо сюда. Таким образом, он не называет это неадекватной, а необходимой позицией. Что касается Нибура, вы заметите, что он не критикует эту среднюю позицию, потому что Нибур действительно думает, что мы живем в напряжении.

Мы граждане небес. Мы граждане Земли. Он считает, что христиане не должны бежать в легкое место монастыря, но с другой стороны, они не должны искать убежища в протестантском либерализме, который по сути является банкротом.

Итак, он будет в этой середине. Мы живем в напряжении между Христом и культурой. Итак, для Нибура, середина говорит о нашей преданности обоим.

Это относится и к Христу, и к культуре, в которой мы работаем по благодати Божьей. Поэтому он не собирается привносить критику в середину, как он делает с другими. Хорошо.

Христос и культура. Вы могли бы сделать гораздо хуже, чем прочитать эту книгу этим летом. Благослови ваши сердца.

Итак, внесите это в свой список для чтения. Это здорово. Но всего на пару минут, у нас есть какие-нибудь вопросы о оппозиции, синтезе и напряжении? Есть вопросы? Да.

Я поместил их все сюда, и они вроде как одинаковые. Мне пришлось бы посмотреть и просто вспомнить. Вы имеете в виду их точное название? Мне пришлось бы посмотреть, чтобы убедиться.

Я как бы склеиваю их здесь, и мне нужно будет это проверить. Но когда вы читаете книгу, нетрудно увидеть, где находится преданность самого Нибура. Хотя он очень справедлив в целом по книге, вы можете увидеть, куда он скатывается здесь.

Еще кое-что о Христе и культуре. Ладно. Еще пару слов о том, куда мы идем по жизни.

В среду я выделил себе три-четыре дня на разговоры о фундаментализме и евангелизме, потому что это действительно обширная тема, и нам нужно время для этого. Так что начнем в среду. Хорошо.

Благослови ваши сердца.

Это доктор Роджер Грин в своем учении об американском христианстве. Это сессия 23, Неоортодоксия и социальный кризис, часть 3.